

События :: Одесса и еврейская цивилизация - 6 (/migdal/events/science-confs/6/)

Феномен "Юго-запада" в советской литературе 1920-1930-х годов и его позднейшие интерпретаторы.

Марк Соколянский

Историко-литературное понятие «Юго-Запад» представлено в отечественной культуре целым рядом громких и просто известных писательских имён, чья творческая эволюция начиналась, как правило, либо в ходе, либо непосредственно по следам бурных исторических событий, открывающихся 1917 годом. Своим наименованием этот феномен был обязан первому сборнику стихов Эдуарда Багрицкого, который так и назывался – «Юго-Запад» (1928 г.). Литературоведческое же осмысление подмеченной наиболее проницательными критиками тенденции началось на пороге 1930-х гг., и азартным первопроходцем в освоении этой темы выступил Виктор Шкловский.

В первом номере «Литературной газеты» от 5 января 1933 г. появилась его статья «Юго-Запад», которая в рукописи называлась несколько многословно: «Южнорусская школа в борьбе за сюжетный стих и сюжетную прозу». В свойственной ему ассоциативной манере изложения мыслей один из лидеров формализма в литературоведении начинал статью с указания своего рода координат исследуемого материала:

«...Это («Юго-Запад» - М.С.) название одной из книг Багрицкого.

«Юго-Запад» - это географически Одесса.

В статье я буду говорить об юго-западной литературной школе, традиция которой ещё не выяснена...»

В кратком (по необходимости) газетном выступлении Шкловский не определил количественных параметров выделенного им явления, да это, впрочем, никак не входило в его замысел. Заметное уже современникам активное участие прозаиков и поэтов т. н. «южнорусской школы» в культурной жизни той поры, впоследствии раскрылось ещё шире для непредубеждённых литераторов и просто читателей. Причём в рамки определения попадали не только прозаики и поэты, кто, как Бабель, Катаев, Ильф и Петров, Багрицкий, Славин, Липкин, Штейнберг и др., были уроженцами Одессы, но также и те, кто происходил из других мест, но в Одессе жил и трудился какое-то время, а главное – здесь начал свою литературную деятельность или состоялся как литератор, подобно К.Паустовскому, например. В этот достаточно представительный ряд можно было бы добавить имена литературоведов, искусствоведов и критиков, появившихся на той же почве; припомним хотя бы Л.П.Гроссмана, Н.И.Харджиева, Л.Я.Гинзбург. Словом, в количественной недостаточности названный феномен вряд ли можно упрекнуть.

Сложнее обстоит дело с осмыслением содержательной и стилевой специфики явления. Бабель ещё в 1923 г. в предисловии к планировавшемуся сборнику произведений семи молодых одесских авторов в откровенно импрессионистическом духе попытался одним штрихом наметить эту специфику. Легко написанное и легко читаемое предисловие даёт вместе с тем представление о трудностях на пути к обобщениям, когда в один ряд попадают, с одной стороны, подлинно талантливые Багрицкий и Ильф, а с другой, к примеру, Осип Колычев – прототип незабываемого Никифора Ляписа из «Двенадцати стульев».

О плодотворности одесской почвы говорил создатель «Одесских рассказов» неоднократно. В ставшем хрестоматийным, благодаря мемуарной книге Паустовского, обещании Бабея («Мопассанов я вам гарантирую») при всей амбивалентности смысла звучит и абсолютная уверенность в литературной продуктивности Одессы. Притом присутствие в формировании писателя-одессита левантийского (это образное определение плотно войдёт в критический обиход позднее) воздействия, роль «запаха моря и акаций» были акцентированы едва ли не в первую очередь.

Совершенно очевидным фактором формирования южнорусского писателя той поры был откровенно интернациональный характер города, точно указанный не одесситом (по происхождению) Шкловским. Один из компонентов такого характера был назван в статье «Юго-Запад» без экивоков: «...Трудность вопроса ещё в том, что юго-западная школа – это школа русской литературы, осуществлённая на украинской территории...». О значении еврейской составляющей в культурной истории Одессы писали, в частности, уже некоторые из первых критиков Бабея. Точное и обобщающее рассуждение о многонациональной специфике города, его происхождения и развития, его языка и культуры, оставил живший тогда в Западной Европе

Владимир Жаботинский в своей книге очерков „Causeries“ (1930), назвав семь народов («по крайней мере, семь»), сыгравших в процессе формирования своеобразного города с особыми языком и культурой немаловажную роль.

В завершающей части своей статьи Виктор Шкловский предрекал, что «южнорусская школа будет иметь очень большое влияние на следующий ...сюжетный период советской литературы...». Трезво оценивая последующие – остросюжетные, малосюжетные или вовсе бессюжетные – «периоды советской литературы», следует признать, что не лишённому оснований пророчеству критика не суждено было сбыться. Причины того отыскиваются в историко-политической плоскости, потому и взглянем на них в историческом порядке.

Начать хотя бы со времени появления статьи Шкловского. Январь 1933 г. Уже вовсю шла подготовка к созыву Первого съезда советских писателей, который поначалу планировался на май 1933 г. Главной идеологической задачей было объединение всех литературных сил страны, а потому попытка выделить какую-то особую литературную школу да ещё очень влиятельную, воспринималась как крамола. Статья Шкловского была подвергнута резкой критике с разных трибун. В «Известиях» первым её атаковал И.Макарьев, провозгласивший попытку разделения «нашей» литературы на школы «порочной и вредной». На пленуме Оргкомитета писательского съезда на концепцию Шкловского обрушились Вс.Вишневский, Ю.Либединский, В.Киршон, С.Динамов, И.Гронский и др. Дискуссия об отдельном критическом выступлении переросла в печальной памяти широкую «дискуссию о формализме». Сам Шкловский был вынужден отправить в «Литературную газету» покаянную статью.

Второй, ещё более ощутимый удар по «южнорусской школе» был нанесён в ходе репрессий, развернувшихся в 1930-е гг. и затронувших не в последнюю очередь литературную среду. Среди жертв были, конечно, и писатели «Юго-Запада». Был репрессирован и убит Бабель, в лагерях провели – кто раньше, кто позже – годы А.Штейнберг, С.Гехт, С.Бондарин, Р.Моран и некоторые другие литераторы – выходцы из Одессы. Эдуард Багрицкий покинул этот мир ещё в 1934 г., но в 1937 г. была репрессирована его вдова Лидия Густавовна. При повышенном внимании «компетентных органов» к украинской культуре не удивительно, что репрессии коснулись и украинских авторов, так или иначе связанных с Юго-Западом. Многие писатели, избежавшие преследований, были настолько придавлены или, называя вещи своими именами, испуганы происходившим, что либо замолчали на долгие годы, как Ю.Олеша, либо предпочли путь откровенного конформизма, как В.Катаев.

Книги писателей, подвергнувшихся репрессиям, немедленно попали в Index Librorum Prohibitorum. Из библиотек изымались не только сочинения репрессированных прозаиков, поэтов, критиков, но и разного рода сборники с их участием и даже книги, в которых содержались упоминания о «предосудительных» литераторах или цитаты из их произведений. Из литературного оборота исчезли даже их имена. Под горячую руку «неистовых ревнителей» попадали иногда и книги, казалось бы, вполне, с официальной точки зрения, безобидные, как, например, сборник газетных фельетонов Юрия Олеша, писавшего в газете «Гудок» под псевдонимом «Зубило» (Ю.К.Олеша. Зубило.– Л.: Гудок, 1924).

Третья волна, прошедшая по литературе изучаемой школы, относится к послевоенному времени и связана с т.н. «борьбой против безродных космополитов», развернувшейся в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Кампания чисток, арестов и вычёркивания из активной творческой жизни не миновала и южнорусской школы. Отличительным признаком этой кампании стало то, что при установлении «вины» литератора во главу угла de facto ставились еврейская проблематика творчества, национально-стилевая окраска произведений вкупе, разумеется, с еврейским происхождением авторов. Преследования коснулись не только писателей, писавших на языке идиш, но и целого ряда русскоязычных и украиноязычных прозаиков, поэтов, критиков.

В рамках разговора о южнорусской школе можно вспомнить, что не публиковались в ту пору книги не только репрессированных ранее авторов, но и тех, кого, как казалось, миновала чаша сия. К примеру, стихи Э.Багрицкого не переиздавались более или менее культурно с 1938 г. до 1956 г., когда появился однотомник, подготовленный к печати Вс. Азаровым (тоже, кстати говоря, выходцем из Одессы). Издание накануне упомянутой кампании романов Ильфа и Петрова стало предметом специального разбирательства; в «Постановлении Секретариата Союза писателей СССР от 15 ноября 1948 г.» и в «Литературной газете» сурово осуждалось издательство «Советский писатель» за выпуск дилогии массовым тиражом, а руководители издательства были вынуждены каяться в совершённой ими «грубой ошибке». Краткая заметка об Ильфе и Петрове в Большой Советской Энциклопедии (2-е издание) напоминала скорее критико-судебный приговор, чем справочную статью. В 1949 г. А.Г.Дементьев (впоследствии соратник А.Т.Твардовского по редакции «Нового мира») в своей статье «Против антипатриотического эстетизма и формализма в поэзии» навешивал обвинительные ярлыки «одесской группе писателей», обвиняя их в «низкопоклонстве перед иностранщиной».

Наступивший вскоре после смерти Сталина период т.н. оттепели привнес ряд существенных изменений в духовную жизнь страны. Вернулись из концлагерей те деятели культуры, которым посчастливилось выжить, к читателям возвратились многие, прежде запрещённые имена и произведения, оживилась общая литературная жизнь... Коснулись эти процессы и наследия писателей изучаемой школы.

Так, в 1957 г. после почти двадцатилетнего запрета был выпущен однотомник произведений Бабеля. В разных издательствах страны – от Кишинёва и Одессы до Сыктывкара и Магадана – стали вновь публиковать востребованную массовым читателем дилогию Ильфа и Петрова, а в 1961 г. увидело свет собрание их сочинений в 5 томах. В 1956 и 1958 гг. появились новые сборники стихов Багрицкого. Пришла к читателю мемуарная повесть К.Паустовского «Время больших ожиданий». На закате оттепели в журнале «Знамя» была напечатана подготовленная Г.Н.Мунблитом подборка не вошедших в однотомник рассказов Бабеля. Этот «список благодетелей» можно было бы и продолжить, но притом нельзя упускать из виду, что процесс «размораживания» шёл очень и очень непросто.

Достаточно вспомнить первые отклики на переиздание сочинений И.Бабеля, принадлежавшие таким замшелым критикам-проработчикам, как Д.Стариков или В.Архипов. Их коробил уже факт включения писателя в контекст т.н. советской литературы. Само представление о южнорусской школе и её художественном своеобразии тщательно изгонялось из литературно-критического обихода.

В середине 1960-х гг. в литературоведческих кругах притчей во языцех стало высказывание многолетнего заведующего кафедрой советской литературы МГУ профессора А.И.Метченко во время приёма кандидатских экзаменов. Когда одна соискательница упомянула о «южнорусской школе» в советской литературе 1920-х гг., профессор взорвался: «Какая школа? Южнорусская? Вы бы ещё о бердичевском или биробиджанском направлении рассказали! Нет, была и есть единая советская литература – литература социалистического реализма».

В послеоттепельный период мрачная тенденция, рождённая на рубеже 1940-50-х гг., шаг за шагом возрождалась и более того – приобретала для себя постоянные трибуны. Такой трибуной стал, в частности, во второй половине 1960-х гг. журнал «Молодая гвардия», где «запевалой» критического хора выступил В.Чалмаев. Впрочем, у него были и единомышленники в более старшем поколении критиков: М.Лобанов, С.Семанов, П.Выходцев и ряд других. Не объединённые организационно, они – каждый по-своему – стремились к «патриотическому очищению» истории отечественной литературы. В опубликованных «Нашим современником» уже на пороге нового тысячелетия мемуарах М.Лобанов с гордостью пишет о своей последовательной борьбе против «мелкого еврейского духа» в литературе.

Такого рода действия и выступления приняли организованные формы несколько позднее – в 1970-е гг. воеобразной вехой новой стадии в борьбе с «чуждыми» тенденциями в истории новейшей литературы, ведшейся с национально-патриотических позиций, стала вышедшая в 1974 г. книга Олега Михайлова «Верность. Родина и литература».

(Некоторые статьи, собранные там под одной обложкой, публиковались автором ранее в периодике). Об этой книге говорено и написано уже немало, не стоит повторяться. Напомню лишь, что резкие нападки на литературу «Юго-Запада» носили у Михайлова слегка закамуфлированный, однако легко прочитываемый антисемитский характер.

Гордость за сказанное слово переполняла автора и спустя три десятилетия. Так, в автобиографической статье в «Литературной газете» писал он в 2002 г. о начале семидесятых: «...К тому времени я круто порвал с либеральными и готовил книгу статей «Верность», центром которой был очерк о так называемой «одесской школе» и её возведённых в гении популярных писателях...». Со сладостной ностальгией вспоминал он о борьбе с «одесской школой» и накануне своего 75-летия. О.Михайлов откровеннее ряда своих соратников выразил сущность тенденции, но он отнюдь не был одинок. На страницах «Молодой Гвардии», а затем и «Нашего современника» его идеи находили поддержку.

Трибуну для полемики с национал-патриотами в начале 1970-х гг. отыскать было невероятно трудно. Самым серьёзным выступлением против шовинистических перегибов можно считать появившуюся в «Литературной газете» в ноябре 1972 г. статью А.Н.Яковлева «Против антиисторизма», в которой серьёзной критике подвергались позиции М.Лобанова, С.Семанова, О.Михайлова. Реакцией литераторов-сверхпатриотов на эту критику были возмущённые письма, направленные в Политбюро ЦК КПСС. Политбюро своеобразно отреагировало на статью и её восприятие, устранив Яковлева из отдела пропаганды ЦК и отправив его послом в Канаду.

Сегодня, когда в российской прессе стало модным поливать грязью А.Н.Яковлева и его деятельность, нередко в вину ему ставят и упомянутую выше статью. Что же касается Олега Михайлова и книги «Верность», то и нынче у них находятся поклонники, причём нередко среди носителей флюгерообразных политических взглядов. Так, обозреватель «Литературной газеты» Александр Ципко (не к чести нашего города, одессит по

происхождению) пишет уже в 2007 г. с восхищением о «текстах русского патриота критика Олега Михайлова», которые, по мнению А.Ципко, «во все времена и в 60-е, и в 90-е, находились на уровне дореволюционных высот классической русской публицистики...». Ни больше и ни меньше.

Покровительство, оказанное критикам национал-патриотического направления сверху, не было в полной мере неожиданным или тем более случайным. В идеологическом отделе ЦК КПСС уже зародилась мысль о необходимости канализировать идейную оппозицию советской интеллигенции, и подходящим каналом являлась т.н. национал-патриотическая тенденция, хорошими дрожжами для которой во все времена служил антисемитизм. Чиновно-бюрократическая логика и фразеология для этого дела уже не вполне подходили, и к исполнению важнейшей задачи были привлечены литераторы Вадим Кожин, Станислав Куняев, Пётр Палиевский, Дмитрий Урнов и некоторые другие. Своими корнями эта деятельность уходила в поздние шестидесятые, когда под эгидой ЦК ВЛКСМ, где первую скрипку в отделе агитации и пропаганды играл ныне чиновный писатель В.Ганичев, появилось странное образование – «советско-болгарский клуб творческой молодёжи». В 1970-е гг. те же люди, выйдя из советско-болгарского комсомольского возраста, продолжали начатую ранее охоту на чуждые элементы и тенденции, но уже с более чётким прицелом.

Громко-событийный ряд в деятельности этой группы открыла памятная, спланированная как политическое мероприятие дискуссия «Классика и мы», прошедшая в Центральном Доме литераторов в Москве 21 декабря 1977 г. И в докладе П.Палиевского, и в речах его сотоварищей по «русской антимасонской ложе» без окончательных формулировок, но достаточно ясно звучало стремление очистить современное русское искусство от «засилья инородцев». Естественно, когда речь касалась историко-культурных традиций, доставалось и южнорусской школе в литературе. Главной трибуной для выражения взглядов зачинателей дискуссии стал журнал «Наш современник». Позднее именно там впервые публиковался трактат И.Шафаревича «Русофобия», где, между прочим, бывший математик, усвоивший «открытия» своих единомышленников-гуманитариев, обрушивался и на писателей «одесской школы».

В годы перестройки голоса национал-патриотов отнюдь не смолкли, разве что и их оппоненты обрели, наконец, свои трибуны и то, что раньше именовалось дискуссией «только из вежливости», приобрело характер более или менее равноправного (в юридическом отношении) диалога. Нередко в этом споре предметом обсуждения оказывалось и наследие южнорусской школы. И тут подмога национал-патриотам приходила подчас с совершенно неожиданной стороны.

Некоторые просвещённые и, казалось бы, прогрессивные критики-максималисты, не упуская ни одной строчки, ни одного жизненного шага в биографии разных советских писателей, обрушивались на многих из них с упрёками этико-идеологического характера. Багрицкому, например, доставалось от ригористов за многое – за причастность к красноармейскому опыту, за апологию продотрядовца Когана, за «поэта походного политотдела» Пушкина и пр. Снова было поднято на щит прозвучавшее ещё в 1970-е гг. обвинение поэта в «культе насилия».

Леонид Кацис, например, в своей статье «Багрицкий на рубеже веков», ведя «стрельбу на поражение» по американскому исследователю Максиму Шраеру, находит для себя опору в «методологических» замечаниях, содержащихся в печально известной книге В.В.Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» и разве что открыто не вступает за «обиженного» Ст. Куняева. На пороге 2007 г. Сергей Стратановский в статье «Возвращаясь к Багрицкому», оперирует теми же аргументами, которые были подняты на щит ригористами в перестроечные годы. В частности, достаётся поэту за строки о «чёрном предательстве Гумилёва» из «Стихов о поэте и романтике». Хотя Стратановский и ссылается на статью Бенедикта Сарнова десятилетней давности, но читал он ту статью, видно, не очень внимательно. Сарнов там приводит строки из обнаруженного чернового авторского списка, где, вместо привычных (в печатном варианте) строк:

=...Депеша из Питера: страшная весть
О чёрном предательстве Гумилёва...
Я мчалась в телеге, просёлками шла;
И хоть преступленья его не простила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила...=

- был несколько иной текст:
=...Депеша из Питера: страшная весть
О том, что должны расстрелять Гумилёва.
Я мчалась в телеге, просёлками шла,
Последним рублём сторожей подкупила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила.=

Не менее строги оказались перестроечные и постперестроечные критики к романам Ильфа и Петрова. Были у них, правда, предшественники и в годы застоя, как, например, Аркадий Белинков, считавший, что в образе Лоханкина писатели «осмеяли всю интеллигенцию, претендовавшую на собственное мнение». В том же духе, но ещё прямолинейнее высказался в «Континенте» Марк Поповский: «...Илья Ильф и Евгений Петров сочиняли заказные пасквили на русскую интеллигенцию...». В годы перестройки на Ильфа и Петрова ополчались разные авторы, включая и серьёзных литературоведов, обделённых, видимо, чувством юмора.

Изрядное количество упреков адресовали писателям их новейшие комментаторы М.Одесский и Д.Фельдман. Предложив читателю полный авторский текст «Двенадцати стульев», они в предисловии сосредоточились на «политическом контексте», в котором создавался и воспринимался роман. Их рассуждения поневоле ассоциируются с методологией вульгарного социологизма. На полном серьёзе доказывается «антитроцкистская направленность» первого романа дилогии. По мнению авторов предисловия, «главная идеологическая установка «Двенадцати стульев» - ,надежды на скорое падение большевиков' беспочвенны». Если не пишется в предисловии прямо о «заказном» характере книги, то к этому близки выводы типа: «Ильф и Петров оперативно реагировали на пропагандистские новшества...».

К сожалению, и в городе, с которым изначально связано понятие «южнорусской школы», не была оказана своевременная профессиональная поддержка объективному подходу к интереснейшему литературному феномену. Проведённая в 1964 г. в Одесском университете конференция «Литературная Одесса 1920-х гг.» была первой, не слишком голосистой ласточкой, весны не сделавшей. Не слишком много пользы выяснению истинного значения обсуждаемой тенденции принёс и безудержный патриотизм местных полужнаек, записывавших в классики не только Веру Инбер, но и З.Шишову с А.Адалис. Первые позитивные шаги были сделаны лишь в последнее десятилетие. Имеются в виду прежде всего реальный комментарий С.З.Лущика к повести Катаева «Уже написан Вертер», ряд литературно-краеведческих очерков Ростислава Александрова и Алёны Яворской.

Возвращаясь к статье В.Шкловского, по сути, открывшей феномен Юго-Запада как литературоведческую и литературно-критическую проблему, акцентируем внимание на его замечании о том, что традиция юго-западной школы «ещё не выяснена». Добавим, что не выяснен в полной мере целый ряд вопросов, включая, в первую очередь, художественное своеобразие творческого наследия писателей «Юго-Запада». Думается, что настала пора покончить с комплиментарными заклинаниями и перейти к профессиональному изучению интересного и влиятельного явления в истории литературы.